

ЛОРА
КЕЙЛИ

КОЛОКОЛ

ЛОРА
КЕЙЛИ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К33

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Оформление серии *Е. Петровой*

Кейли, Лора.

К33 Колокол / Лора Кейли. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Кто-то всегда лжет. Триллеры Л. Кейли).

ISBN 978-5-04-210988-1

Это всегда случается в одно и то же время. Колокольный звон в моей голове, который я слышу два раза в день с самого детства. С годами он становится все громче, причиняя мне нестерпимую боль.

Моя подруга Маргарет позвала меня на остров Сен-Мало, чтобы вылечиться от недуга, но там происходят странные вещи... В первый же день она пропала. Затем таинственный незнакомец сказал, что покажет, где она, если я соглашусь сыграть с ним в одну игру. Каждое утро я буду просыпаться в теле одного из жителей острова, чтобы разгадать тайну преступления, к которому все они причастны.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кейли Л., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210988-1

Глава 1

Впервые я услышал его, когда мне было лет шесть. Я смотрел в отгрохотавшее небо и через него — или от него — слышал этот звон. Он был так мягок и тих, что я едва его различал, но с каждым днём, с каждым месяцем он становился всё громче. Он звучал почти рядом. А вскоре мы слились воедино. И не было дня, чтобы я не слышал его. Этот звон уже не успокаивал, как раньше, он разрывал на части: моё тело, мою голову, меня в моей голове. Жизнь стала болью, боль была невыносимой. Она сковывала и терзала, с каждым днём убивая меня.

Этот колокол в голове — моё неизлечимое проклятие. С ним я встречаю рассвет и провожу каждый вечер. От него не убежишь, его не обезвредишь, с ним можно только научиться жить.

Вечером должна зайти Маргарет, она привезёт очередное лекарство; в нём не будет толка, но я скажу, что слегка полегчало, она улыбнётся, а потом поймёт, что я вру. Марга-

рет отведёт меня в ванную комнату, усадит в чугунное корыто и начнёт поливать мою голову горячей водой, а я, стиснув зубы, попытаюсь не кричать, чтобы не пугать её. Вскоре всё закончится. Меня будет знобить ещё около часа, а после я опять стану собой — до следующего утра. Так и проходит моя жизнь, в которой всё очерчено от боли до боли, всё уходит от неё и приходит к ней же. Впрочем, как и у каждого, впрочем, чем я не каждый.

Месяц назад Маргарет решила, что море излечит меня.

— Море всех лечит, — говорила она. — Я увезу тебя в Сен-Мало, там невероятная красота.

Я не помню, как мы познакомились; я вообще мало что помню. С каждым годом всё меньше. Очередной доктор, на которого я сменил предыдущего, сказал, что из-за этой мигрени отмирает мой мозг. Не весь, только некоторые его участки, тем временем другие его части активируются ещё сильнее, так что я могу не переживать.

— Вы только не переживайте, — повторил он, глядя в мою карту, — но, по-видимому, вы стали терять память; я выпишу вам лекарство.

Все мои лекарства в ящиках аптекарского стола. Не помню, откуда у меня этот стол, — по-моему, квартиру я снял уже с ним. Здесь

было всё, что только могла придумать медицина: таблетки, разгоняющие кровь, таблетки, успокаивающие нервы, таблетки, разгоняющие нервы и успокаивающие боль. Ничего не помогало. Я посмотрел на часы — без пяти шесть. Боль никогда не опаздывала; она, как смерть, приходила секунда в секунду. Когда я сказал врачу, что эта колокольная мигрень накатывает на меня два раза в сутки, утром и вечером ровно в шесть, тот посмотрел на меня, как на психа, и выписал успокоительное.

— Вот, это поможет вам успокоиться, — сказал он, отдавая рецепт.

Но я и так был спокоен, я вообще не подавал никаких признаков беспокойства, как было указано в длинной инструкции. Она, как и таблетки, отправилась в мусор.

— Что за дрянь тебе выписали? — спросила Маргарет, когда увидела нетронутую упаковку в ведре. — Они же знают, что ты не псих? Тебе нужно сменить врача.

Я сказал, что в городе уже не осталось докторов.

— Мы уезжаем из этой дыры. Собирай вещи, — сказала она.

Боль опять подступала, и я уже хуже слышал её голос. Маргарет расхаживала по квартире, собирая мой чемодан.

— Тебе нужна эта шляпа? — спросила она, вертя в руке походную панаму.

Я купил её, когда один из докторов, исписав несколько листов моей больничной карты, посоветовал мне чаще гулять в лесу.

— Свежий воздух — это кислород, а у вас внутричерепное давление, молодой человек; нельзя сидеть в четырёх стенах. Нехватка воздуха, удушье, мигрень, а что дальше? — Он смотрел на меня так, будто это я должен был ответить, что дальше. — А дальше проблемы с памятью. — Вот тут он как в воду глядел.

Тогда я купил походный костюм и вот эту панаму.

— Гуляйте по лесу, слушайте птиц. Потеряйте счёт времени. Вы ждёте свою мигрень к определённому часу, это уже психическое. Неудивительно, что она приходит. Вам нужно выйти в лес и забыть, который час.

Было ровно шесть вечера, когда я свалился у ели, слушая, как дятел стучал своим клювом о древесный ствол. Земля тогда была ужасно холодная — она промерзала весь день, будто специально ожидая, когда я зарюсь в неё головой. Я упёрся горячим темением в торчащие из-под земли высокие корни. Тогда-то я и потерял счёт времени; сознание я тоже потерял. Пришёл в себя через час — муравьи кусали шею.

Маргарет упаковывает чемоданы. Я слышу колокол. Вижу Маргарет, она что-то говорит. В такие моменты она будто другая, моя Мар-

гарет, — её лицо, глаза, всё её, только она словно другая. Снимает с меня одежду, я шаркаю по холодному полу, спотыкаюсь о высокий порог, залезаю в ванну, она ругает себя, что упустила время, включает кран. Холодная вода. Меня знобит. Ждём, когда нагреется котёл. Горячая. Почти кипяток. Маргарет массирует мне голову своими длинными сильными пальцами. Забирается ко мне, садится сзади так, чтобы я мог облокотиться на неё, обнимает ногами, я вцепляюсь ей в ногу; слышу, как она сдерживает крик. Завтра там будет синяк.

Прости меня, Маргарет.

Она укладывает меня в постель, укрывает ватным одеялом и ложится рядом. В ванной ещё не выключен кран; Маргарет слышит, как льётся вода, но не встаёт с постели. Я знаю, что она плачет, и сделать ничего не могу.

Ночь, как всегда, спокойна, ночью не слышно звона, вот бы не просыпаться вообще...

— Тебе нужно отдохнуть, — произносит Маргарет, — завтра тяжёлый день.

— Мы и правда едем в Сен-Мало?

— Правда. До порта два часа на автобусе, а потом ещё...

Она что-то говорит.

Я закрываю глаза.

Слышу колокол.

Утро.

Глава 2

— Море сегодня беспокойно, сэр, — сказал штурман, зайдя в нашу каюту.

— Нестрашно. Как скоро мы прибудем? — спросил я.

— Через четыре часа.

Он остановил на мне свой взгляд. Ему нужно было обойти все каюты, но штурман не двигался с места. Наверное, вид у меня был не очень.

— Вам нехорошо? — всё же спросил он. — В соседней каюте есть врач. Точнее, не то чтобы врач, он ветеринар, но лечит преимущественно лошадей, а лошади, собственно, чем не люди...

На меня накатывала дрожь.

— Всё в порядке, — перебила его Маргарет, — нам не нужен ни врач, ни ветеринар. У него морская болезнь.

Штурман, не раз видя морскую болезнь во всяком её проявлении, недоверчиво посмотрел на меня, кивнул и вышел.

— И почему люди думают, что могут спрашивать всё, что вздумается? — ворчала Маргарет. — Нет, ты видел, как он посмотрел на меня? Как будто я вру. Если я сказала, что у нас морская болезнь, значит, у нас морская болезнь.

Она часто говорила «у нас»: у нас выходной, у нас день рождения, и болезнь моя, видимо, тоже была у нас...

Как много я отдал бы за морскую болезнь! Хоть большую, хоть небольшую, чтобы меня выворачивало, как рванный носок, чтобы полоскало по всей палубе, чтобы проклинал я всех и ненавидел вся, чтобы еле дожил до берега... Я бы променял на что угодно свою мигрень. Но море любило меня, и это было взаимно.

Маргарет ходила из стороны в сторону по и без того узкой каюте.

— Сядь, Марго, ты раскачиваешь палубу, — хотел я пошутить, но по её взволнованному лицу понял, что сейчас для этого не время.

Как-то один из докторов сказал ей, что я могу закончить инсультом. Вот так вот, в любой момент — точнее, не в любой, а во время мигрени. И хоть Маргарет и не верила докторам, но та фраза засела в ней надолго. Она боялась, что я умру. Я каждый раз это видел по волнению, которое она не могла скрыть.

— Успокойся, пожалуйста, — сказал я, но изо рта моего вышло что-то несвязное. Я стал хуже говорить, значительно хуже. Во время этих мигреней что-то заклинивало в мозгу. Я делал вид, что не замечал этого, а Маргарет, думая, что я не заметил, также не подавала виду. Но по её глазам я всё понимал.

Без пяти шесть.

Маргарет была безоружна, никакой тебе горячей воды. Она вложила мне в руку аспирин, а я знал, что он не поможет.

В голове стучало... Или это стучали в дверь?

— Зайдите позже! — крикнула Маргарет.

За дверью не отвечали и продолжали стучать.

— Зайдите позже, пожалуйста!

Стук не прекращался.

Маргарет открыла. В каюту ввалился мужчина. От него разило спиртным, а ещё какой-то животиной; он еле держался на ногах. Я не сразу понял, что он качается, — я думал, что это каюта или меня штормит, но нет, это его штормило самого по себе. Ноги его разъезжались по полу; он пытался облокотиться о дверь, тут корабль качнуло, и мужчина упал на меня, навалился прямоком, как мешок с навозом. Пахло от него примерно так же.

— Я прошу меня извинить, — сказал он.

Фляжка выпала у него из рук; он пытался до неё дотянуться, но безуспешно. У меня разболелась переносица. Обычно мигрень начиналась с неё; сейчас дойдёт и до глаз, потом до висков и опояшет, будто кольцом для средневековых пыток, всю мою тяжёлую голову. Будет сжимать её и сжимать и трезвонить, убивая последние клетки и без того истощённого мозга.

— Да что вы себе позволяете, — крикнула Маргарет, оттаскивая его от меня, — вы же пьяны!

— Прошу меня извинить, — бормотал мужчина, — я абсолютно трезв!

— Оно и видно...

— Я, между прочим, доктор. Я лечу лошадей... — Он выпустил протяжную отрыжку. — А опьянел я от страха. — И перешёл на шёпот: — Я страх как боюсь воды.

— Пожалуйста, вернитесь в каюту, — чуть не плача, просила Маргарет.

— Я не могу, мадемуазель, я боюсь утонуть...

— А с нами не боитесь?

— Нет, с вами не боюсь, вы не должны утонуть. А вот меня столько раз выбрасывало за борт! Один раз это было... — Он задумался. — Вас ещё тогда и в помине не было, а меня чуть не скормили акулам. Второй раз я только прогуливался по палубе, как вдруг ни с того ни с сего... Видит дьявол, море ненавидит меня.

— Пить надо меньше! — сказала Маргарет.

— Вот в этом вы правы. — Он приподнял фляжку. — Ваше здоровье, — и опрокинул её себе в рот.

— Корабль скоро причалит; шли бы вы уже к себе, доктор. — Она покосилась на него.

— Лучше я здесь посижу. Капитан как пить дать собьётся с курса... такая погода, как тут не сбиться, сегодня безбожный туман...

— Я всё же настаиваю, — упорствовала Маргарет.

— Брось, Марго, пусть остаётся, — простонал я.

— Спасибо, молодой человек... Да хранит вас Бог, хоть его ещё никогда не было там,

где был я, и, значит, на этой посудине его тоже нет, но он видит, как я вам благодарен. — Наш сосед ударил себя кулаком по груди и выпустил перегарный дух. — Ой, — он посмотрел на меня и скривил лицо, — тоже похмелье?

— Мигрень, — сказал я.

— Мигре-е-ень, — протянул он. — Значит, и вы туда же?

— Куда же?

— Тоже приехали лечиться? Известная байка — море всех лечит. Бедолага, — он хлопал меня по спине, — как мучается... У меня где-то были таблетки... правда, не от мигрени, а от боли в суставах, и не для людей, а для лошадей. Когда-то у меня была лошадь. Но какая, собственно, разница... Вам принести?

— Да, принесите, — сказала Маргарет и стала тянуть его за руку. — Принесите! — Она еле оторвала его от кушетки и вытолкнула за дверь.

— Но позвольте, — успел только возмутиться он, когда дверь перед его носом закрылась.

Этот ветеринар проговорил мне всю мигрень — я словно прокрутил её на быстрой перемотке и сам не заметил, как она прошла. Может, опять его пригласить...

— Он не говорил, в какой гостинице остановится? — спросил я.

— Ещё чего не хватало, — фыркнула Маргарет.

— Жаль, я бы хотел с ним поболтать...

Марго посмотрела на меня с недоверием, но, видно, списала всё на болезнь.

— Ты сможешь найти его по амбре, — сказала она.

Море штормило ещё пару часов; оно билось о борт корабля, креня трескучее судно, качало каюту и нас вместе с ней. Там, за стенкой, качался ветеринар, он нещадно бился о смежную стену и каждый раз проклинал чью-то мать. Мы держали скользящие стулья, подпирали собою кровать. Вскоре всё подозрительно стихло — так же резко, как и началось.

Поднявшись на мокрую палубу, мы увидели изнемогших матросов и такого же уставшего кэпа. Туман рассеялся. Показался остров с призраками еле заметных домов. Во многих уже погасили свет. На нас смотрел старый маяк из красно-белого камня; он звал своим дымчатым светом, будто приглашая к себе. У берега — скопище лодок и яхт; они покачивались и шумели, тесня и толкая друг друга. Шторм дошёл и до здешних мест. Вскоре мы спустились на берег.

Глава 3

Маргарет выбрала номер с видом на залив и лес из мачт. От берега уже отчалила пара бермудских парусников; они покачивались